научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования
https://stnb.petrsu.ru **http://petrsu.ru**

УДК 94(47)

Функции полиции Олонецкой губернии в годы первой мировой войны

ФЕДОСОВ Александр Валентинович

ведущий специалист-эксперт группы воспитательной работы,
Министерство внутренних дел по Республике Карелия,
Петрозаводск, Россия, muzeymvdpork@mail.ru

Ключевые слова:
Олонецкая полиция
Олонецкая губерния
Первая мировая война
охрана правопорядка
уголовная преступность
народная милиция

Аннотация:
В статье рассматриваются ранее не изученные аспекты деятельности полиции на территории Олонецкой губернии в период 1914— 1917 гг., во время Первой мировой войны, исследуются дополнительные функции полиции, определенные условиями военного времени в рамках законодательства Российской империи. Автор акцентирует внимание на выполнении полицией конкретных задач на территории губернии, находящейся на чрезвычайном положении, а также сделаны выводы о профессиональности полицейских чинов. На фоне драматических событий Февральской революции 1917 года, сопровождавшихся в России заменой прежней полиции на новую милицию, установлена прямая преемственность последней в продолжении выполнения в губернии полицейских функций охраны правопорядка и общественной безопасности в рамках действовавшего в стране российского законодательства на его последнем этапе.

© 2016 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 04 декабря 2017 года

Вторая Отечественная или Великая война, вошедшая в советскую историографию сначала как Империалистическая, а затем как Первая мировая, стала по своему размаху и масштабу потерь жестоким испытанием для России, воевавшей на стороне Антанты, принявшей на себя основную её тяжесть и последствия.

В этот период на российскую полицию и жандармерию были возложены задачи тылового правоохранительного обеспечения страны. Несмотря на всю сложность выполнения в таких условиях задач по обеспечению правопорядка и безопасности граждан небольшими силами, согласно штатам мирного времени, русская полиция в годы войны каждодневным нелегким трудом поддерживала в обществе нравственное начало благородством своей профессии и честным служением закону. Это в полной мере относится и к полиции Олонецкой губернии, находившейся на достаточном удалении от полей сражений. Её чины до конца и честно выполнили высокий профессиональный долг, переживая наравне со всем народом общие невзгоды, выпавшие на его долю.

Функции Олонецкой полиции в начальный период войны

Формирование Олонецкой полиции в составе территориальных органов управления губернии началось ещё в 1778 г. и к XX в. охрана правопорядка и общественной безопасности обеспечивались штатами 8 полицейских управлений, располагавшихся в губернском городе Петрозаводске, в Петрозаводском, Олонецком, Лодейнопольском, Вытегорском, Пудожском, Каргопольском и Повенецком

уездах.

В начале XX в. были сформированы новые структуры — полицейская конная и пешая стража (1903 г.), действовавшая во всех уездах; два конных полицейских отряда дислоцировались в Петрозаводске и Вытегре на случай выполнения специальных задач. При Петрозаводском управлении действовала Школа по подготовке полицейских урядников (1888 г.), Сыскное отделение (1908 г.) и городская пожарная команда.

Накануне Первой мировой войны общая численность городской, уездной и сельской полиции в губернии составляла 636 человек [3; 90], из них одну треть составляли офицерские чины: полицмейстер г. Петрозаводска, 7 уездных полицейских исправников, начальник сыскного отделения, брандмейстер, командиры отрядов конно-полицейской стражи, их помощники, а также классные чины, городские и становые приставы. Остальную часть составляли нижние чины — околоточные, надзиратели, городовые, урядники, стражники.

Губернская полиция действовала в соответствии с законами Российской империи и многочисленными уставами, выполняя сложные и многообразные функции и задачи в разных областях общественной и хозяйственной жизни, поддерживая в обществе порядок государственного управления [4; 88—135].

Общее руководство полицией возлагалось на Олонецкого губернатора, осуществлявшего управление через Губернское правление и свою канцелярию. На уровне губернии полиция также руководствовалась обязательными постановлениями её начальника, издаваемыми в рамках местного административного законодательства.

Строительством и развитием полицейских органов ведало МВД Российской империи через свой Департамент полиции, который в свою очередь, осуществлял управление полицией на этой территории через Олонецкого губернатора в форме циркуляров и указаний. По Высочайшему повелению от 7 декабря 1913 г. российская полиция получила свой долгожданный праздник — День полиции во имя Святителя Алексия, Митрополита Московского [2], празднование которого, начиная с 1914 г., приходилось на 5 октября [89]. Однако последовавшие вскоре за этим события не дали возможности прижиться данному профессиональному празднику.

На случай объявления всеобщей мобилизации Олонецкая полиция была широко задействована в системе губернских мобилизационных планов, разрабатываемых военными присутствиями. Через полицейских исправников осуществлялась рассылка секретных инструкций во все волостные управления в запечатанных красных и синих пакетах, определявших порядок действий в случай начала мобилизации. В инструкциях подробно определялся порядок призыва запасных нижних чинов и ратников государственного ополчения 1-го разряда, разверстка на конные подводы для перевозки призывников на сборные пункты. На уездных полицейских исправников также были возложены обязанности оповещения волостной власти о начале мобилизации при помощи нарочных и телеграмм, посылаемых в населенные пункты, в которых имелись телеграфные конторы.

С получением извещения сельская администрация обязана была оповестить по схеме всё местное население, организовать сбор призывных и обеспечить подачу конных подвод. При этом на сельскую полицию возлагалась охрана общественного порядка на пунктах сбора, выявление пьяных, подлежащих аресту до вытрезвления при волостных правлениях, а также уклоняющихся от призыва, в т.ч. с обходом и проверкой всех больных, не явившихся на сборный пункт [69; 1—27].

В губернском и уездных городах на сборных пунктах охрану порядка обеспечивали полицейские Петрозаводского городского и уездных управлений полиции. Помимо прочих задач здесь на полицию возлагалось проведение «отдельных осмотров вещей тех призывников, относительно коих возникнет подозрение о нахождении у них прокламаций и запрещенных изданий». При этом определялось, что указанные осмотры «должны быть проводимы с полной осмотрительностью и, по возможности, без излишней огласки – во избежание возникновения со стороны призывных каких либо неудовольствий и столкновения их с чинами полиции» [33; 13].

Война России была объявлена правительством Германии 19 июля 1914 г[1]. [12] и через 5 дней — правительством Австро-Венгрии [15], после чего на границах империи сразу же начались боевые действия по всей широкой линии фронта.

24 июля 1914 г. Олонецкая губерния вместе с другими субъектами Российской империи была переведена Высочайшим распоряжением на положение чрезвычайной охраны на основании «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 1881 г. [1]. С этого дня все функции управления полностью переходили к губернатору, как «главноначальствующему» лицу.

На этом же основании из общей подсудности изымались административные дела об оскорблении чинов полиции и неисполнении её законных требований, подлежащие упрощенному рассмотрению губернатором с наложением на виновных крупного штрафа или сроков тюремного заключения. В отношении более тяжких преступлений дела подлежали передаче в военные суды [16].

В своем обращении к населению губернатор М. И. Зубовский [5; 123—125] подчеркнул необходимость «дать решительный отпор врагу жестокому, врагу нахальному, потому что на карту поставлены не только честь и достоинство, но и само существование России». При этом он особо подчеркнул, что «если кто в этот грозный час пожелает воспользоваться обстоятельствами для того, чтобы вызвать беспорядок и смуту, имя тому — изменник и предатель» [9; 6—7].

С началом войны в Олонецкой губернии состоялись стихийные патриотические манифестации, разрешенные местными полицейскими начальниками, не препятствовавшими народному порыву. Они прошли в гг. Петрозаводске, Лодейном Поле, Каргополе [13] и Вытегре [76; 52—53] при большом стечении народа, шедшего по улицам с национальными флагами, портретами царствующих особ, пением национального гимна и молитвами о ниспослании победы над врагами.

Первая мобилизация под контролем полиции прошла организованно и в не менее приподнятом патриотическом настроении. В эти дни все лавки с виноторговлей вблизи призывных пунктов были закрыты полицией на основании правил, утвержденных губернатором еще в 1913 г. [45; 32—34]. Однако начальник Вытегорской полиции, испытывая душевный подъем, в первый же день отправки призванных в армию на личные средства приобрел для каждого новобранца небольшой подарок — бутылку вина, чай, табак, сахар, открытые письма [76; 54].

И хотя во время войны полицейских в армию не призывали, среди чинов нашлось достаточно патриотов, «изъявивших желание вступить добровольцами в ряды действующей армии». Одним из первых добровольцев стал городовой младшего оклада Петрозаводской городской полиции Василий Петухов [13]. Позже на фронт ушли чины Лодейнопольской [39; 25], Каргопольской [82; 167—169], Петрозаводской [79; 17] и Олонецкой [6; 104—105] уездных полиций, многие из них за свои подвиги были награждены боевыми наградами.

В условиях чрезвычайной охраны, в Олонецкой губернии для поддержания порядка губернатор продолжил издание обязательных постановлений, определяющих установленный порядок управления в военное время. Доведение этих документов до населения, наряду с правительственными обращениями и указами, возлагалось на городскую и уездную полицию.

С этого времени на Олонецкую полицию, и без того перегруженную многочисленными обязанностями, были возложены дополнительные функции военного времени, обусловленные положением чрезвычайной охраны. И полицейские чины с честью их выполнили, ввиду чего в конце 1914 г. и в последующие годы губернатор уверенно мог докладывать в МВД о том, что состояние настроений среди населения «совершенно спокойное и ни каких внешних проявлений недовольства существующим государственным строем или распоряжениями правительства не замечалось» [67; 1—2].

Полицейское обеспечение действующей Русской императорской армии

С первых дней войны сражавшаяся на фронтах Русская императорская армия не могла обходиться без надлежащей тыловой поддержки, включая вопросы, относящиеся к компетенции правоохранительных органов России.

Первыми среди них стали задачи полицейского обеспечения проведения первой волны мобилизации населения в действующую армию. Для подготовки к последующим её этапам и для контрольной проверки запасных чинов все квартиры становых приставов при волостных правлениях были превращены в поверочные пункты их сбора [45; 23].

До войны на полицию и жандармерию возлагалось освидетельствование всех новобранцев, призываемых в войска Гвардии, на предмет их «политической благонадежности» [54; 2—19], а также на военные сборы в Санкт-Петербург с учетом возможного присутствия «Высочайших особ на военных сборах и маневрах войск округа» [73; 116]. Во время войны этой проверкой был охвачен уже весь контингент, направляемый и в армейские части [68; 1—13], и в состав вольноопределяющихся военных чинов [70]. Эти проверки проводились параллельно с жандармскими [76; 63].

С 1916 г. в проверочный состав были внесены ссыльные из числа военнообязанных, изъявившие желание идти на фронт и освобождавшиеся ввиду этого от гласного надзора полиции [53; 77, 81]. К ним причислялись и бывшие ссыльные, передаваемые на военный учет после отбытия срока ссылки [77; 10—14, 16]. Имелись случаи отправки на военную службу и арестованных лиц после отбытия административного наказания при полиции [61; 6]. В отношении же тех, кто еще не успел отбыть

полный срок ареста, дела прекращались ввиду ухода на военную службу [61; 62].

По причине острой нехватки младших офицерских кадров, возникшей из-за больших потерь на фронтах, в стране началось открытие школ прапорщиков. В связи с этим на полицию с 1915 г. было возложено проведение проверок по месту жительства солдат из запасных батальонов, изъявивших желание поступить в эти школы [55; 1—2], [58; 16] и юнкерские училища [57; 27], [61; 44, 46], [58; 33], [59; 14, 16], [60; 13].

К числу проверяемых относились и жены новоиспеченных прапорщиков, пытавшиеся выехать к мужьям в действующую армию [72], военнослужащие, поступающие на гражданскую службу после увольнения из армии по ранению [59; 36—37], а также женщины, которыми разные ведомства пытались заменить мобилизованных мужчин [60; 20].

Ввиду многочисленных побегов на фронт несовершеннолетних детей, оставляемых командованием при своих частях, по их запросам полиция проверяла благонадежность родителей [59; 31—32]. К категории проверяемых относились и лица, достигшие 17-летнего возраста, которым Высочайшим повелением от 19 апреля 1915 г. было разрешено поступать добровольцами в армию после выдачи полицией «свидетельств о политической благонадежности» [72; 80].

В 1914 г. Олонецкой губернии был установлен план по пошиву для армии солдатских сапог в кустарных мастерских, что также не обошлось без участия полиции, с помощью которой была создана целая сеть обеспечения поставок. Так в 1914 г. для отправки готового товара в Петроградский интендантский вещевой склад [47] и получения оттуда сырья был задействован Каргопольский уездный исправник, т.к. по территории его ответственности проходила линия Северной железной дороги и имелись две станции — Няндома и Лепша [8; 2].

Не менее значимую роль играла и водная транспортная Мариинская система, связывающая р. Волга с Онежским озером, имевшая шлюзовой выход в районе г. Вытегра. Виду этого на Вытегорского уездного исправника возлагался прием и отправка поставляемых заготовок в другие уезды водным транспортом и санным путем в зимнее время года [48]. Для охраны товара в пути привлекались вытегорские полицейские стражники, сопровождавшие его в 1914—1915 гг. по зимнему пути до Лодейнопольского полицейского управления [50; 1]. Оттуда под контролем местного полицейского исправника груз доставлялся на станцию Званка (ныне — Волховстрой) и далее по железной дороге — в Петроград.

В начале 1916 г. при вводе в эксплуатацию Олонецкой железной дороги от станции Званка до г. Петрозаводска в эту транспортную схему был вписан и уездный исправник Петрозаводского уезда. В его обязанности входил сбор готовых сапог в г. Петрозаводске [50; 5] и их отправка в Лодейное Поле [50; 6, 8]. В Лодейном Поле товар, поступивший из всех уездных полицейских управлений, отправлялся далее в сопровождении полицейского надзирателя поездом в Петроград [50; 24].

В конце 1916 г. в условиях нехватки в армии стрелкового вооружения полицией губернии начался прием от населения старых образцов оружия, предназначенных для вооружения вспомогательных армейских служб [56; 3].

В ходе войны на имя губернатора от командования частей стали поступать боевые награды, Георгиевские кресты и медали, предназначенные для вручения уволенным по ранению солдатам, а также семьям погибших или умерших от ран. Эти функции также были возложены на городскую и уездную полицию с предписанием вручать их «по принадлежности» с возвратом расписок, отсылаемых обратно в воинские части [56; 45]. Если в первый год войны губернатор требовал от полицейских организовывать такие вручения в торжественной обстановке с установлением прав награжденных на пенсии или пособия [40; 56], то при массовом поступлении наград эта процедура стала формальным актом.

На полицию также возлагалось ведение специальных книг учета потерь военнослужащих, призванных из городов и уездов.[2]

Еще одним направлением полицейского обеспечения армии стала борьба в тылу с уклонением от службы со стороны ратников ополчения и с дезертирством солдат из Действующей армии. При этом на полицию возлагался розыск и передача в военное присутствие всех не явившихся по призыву с привлечением виновных к законной ответственности [80; 6—7]. Для этих же целей руководители полицейских управлений постоянно направляли в газеты Олонецкой губернии казенные объявления «о повсеместном розыске» указанной категории лиц [84]. Иногда среди них встречались имена детей и полицейских чинов [18; 19]. К началу 1917 г., судя по числу объявлений такого рода, проблема уклонистов в Олонецкой губернии приняла угрожающий массовый характер.

Другим способом уклонения от призыва, выявляемым полицией, стало причинение некоторыми

ратниками вреда своему здоровью для признания их негодными к военной службе. При этом в ход чаще шло злоупотребление табачными настойками, вызывающими перебои и болезни сердца [76; 62]. Для предотвращения этого явления полицией стали дополнительно проверяться ратники, признанные не пригодными к службе, с проведением дознания на предмет правильности такого освобождения. Чаще это происходило в отношении зажиточных крестьян и лесопромышленников по анонимному или т.н. «безымянному заявлению», ставшему своего рода формой народного протеста. При всеобщей мобилизации подобные уклонения богатых земляков вызывали «сильное неудовольствие среди местного населения». По возбужденному полицией переосвидетельствованию таких призывников передавали в распоряжение воинского начальства.

Несмотря на это появились новые уловки, связанные с заочным поступлением уклонистов в т.н. «вольные пожарные дружины». Поводом для этого стало решение Совета Императорского Российского пожарного общества от 1 июня 1916 г., предусматривающее для брандмейстеров и некоторых чинов пожарных дружин отсрочку от призыва до конца войны в целях «поддержания надлежащей пожарной охраны в селениях» [66; 1—40].

Затянувшаяся окопная война, разлагающая боевой дух солдат, деморализованных к тому же военными неудачами, вызвала среди нижних военных чинов самовольные отлучки и побеги. Среди призванных из Олонецкой губернии такие случаи фиксировались уже с начала 1916 г. Дезертиры, задержанные полицией [81; 1—3], первоначально состояли в категории нижних чинов запасных батальонов [40; 41—42], [56; 4, 37], [61; 57—61]. Затем к ним добавилась категория выздоравливающих после ранения и ожидающих отправки на фронт [40; 33—34], а в конце 1916 г. к своим домам потянулись и солдаты действующей армии [41; 21].

Их розыск возбуждался полицией по указанию губернатора на основании извещений командования воинских частей, при этом семьи дезертиров одновременно лишались казенного пособия [40; 41—42]. Для профилактики дезертирства губернатор требовал от полиции обеспечить жесткое наблюдение за всеми прибывающими военными с тщательной проверкой документов на предмет законности их нахождения в тылу.

С 1915 г. все чаще стали приходить сведения о всероссийском полицейском розыске военнослужащих, дезертировавших из действующей армии после совершения уголовных преступлений, в т.ч. бежавших из-под стражи после приговоров военно-полевых судов. За такими беглецами на территории Олонецкой губернии полицией устанавливалось наблюдение на случай возможного их появления в уездах и городах [71; 1—3].

К началу 1917 г. повсеместно по стране значительно увеличилось количество военнослужащих, намеренно опаздывавших из отпусков под разными предлогами. Этому способствовали, по мнению командования Петроградского военного округа, слабый надзор со стороны местной полиции и сельских властей, не привлечение виновных лиц к ответственности, незаконная выдача не заверенных властями свидетельств о болезни и об амбулаторном лечении. Ввиду этого губернатор предписал полиции тщательно проверять отпускные билеты у всех нижних чинов армии [82; 90].

Контроль со стороны полиции осуществлялся и за уволенными из армии по ранению и болезни — для снятия таких лиц с учета воинские присутствия в обязательном порядке предварительно извещали полицейское руководство для проведения проверки по каждому отдельному случаю [79; 35].

Забота о малоимущих семьях солдат, призванных на войну

Не менее важной стороной полицейского обеспечения действующей армии стала забота о малоимущих семьях призванных солдат. Для их «призрения» по Высочайшему положению, утвержденному на случай войны ещё от 25 июня 1912 г. [9; 7], при земских правлениях были образованы комитеты по оказанию материальной помощи с участием руководителей местной полиции [76; 55]. С началом войны такие комитеты осуществляли проверки материального положения заявителей, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации. При этом выдаваемые полицией заключения являлись главным аргументом для принятия решения о необходимости оказания помощи [34; 29—30, 33]. Однако вопросы, связанные с размещением детей из бедных семей в приютах, при всем внимании к ним со стороны полиции, чаще всего не решались ввиду их переполнения, а также «вызванного войной уменьшения притока пожертвований» и сокращения всех бюджетов на нужды такого рода [42, л. 123—125].

С целью восстановления социальной справедливости полиция делала все возможное для защиты бедных солдатских семей от притеснений местных купцов и кулаков, использовавших военные трудности в целях личного обогащения [39; 1—3], а также принимала меры для первоочередного выделения им пособий в условиях уравниловки с семьями зажиточных крестьян [76; 67—68].

В 1915 г. в условиях дефицита и резкого подорожания продуктов питания на полицию был возложен контроль за деятельностью земства по вопросам продажи хлеба нуждающимся солдатским семьям по отпускным ценам. Полицию поставили задачу следить за хлебными поставками на станциях и за прохождением на всех этапах денежных перечислений, высылаемых на депозиты губернатора в Петрозаводское казначейство для расчета с поставщиками. Основная тяжесть в этом вопросе в начале войны легла на Каргопольского и Вытегорского уездных исправников, через территорию ответственности которых проходили поставки хлеба по транспортным путям — линии Северной железной дороги и водной Мариинской системы [49; 11б, в, г, 14—14б, 19—20].

Кроме того, на полицию возлагалось составление списков «наиболее нуждающихся в материальной поддержке семейств убитых георгиевских кавалеров, павших за веру, Царя и отечество» для распределения денежных пособий, поступавших из различных благотворительных фондов [59;11].

Ввиду развернувшихся общественных инициатив по сбору денежных пожертвований в пользу раненных и больных воинов, поддержки их семей, а также в помощь Сербии и солдатам Действующей армии, на полицию уже с конца 1914 г. было возложено наблюдение за сбором выручки кинематографических театров в Петрозаводске и Вытегре [44; 2—3]. Сбор одного дня в месяц шел на указанные цели [44; 1], а полиция обязана была контролировать своевременное отчисление денег [44; 4—12]. Особые задачи возлагались на неё и при проведении кружечных сборов, ввиду чего кружки для пожертвований, принимаемых от населения, выдавались сборщикам только после их опечатывания полицейскими [44; 52—53].

Кроме того, полиция контролировала благотворительные любительские спектакли [44; 17], концерты [44; 59, 60—66] и лотереи [44; 24—36], выдавая на их проведение разрешения после проверки репертуара, а также проверяя наличие всей поступившей выручки. Губернатор требовал от полиции сверять количество проданных билетов и отчисляемых сумм в рамках выполнения постановления Совета Министров от 22 ноября 1915 г., которым в стране вводился временный налог с билетов на увеселительные мероприятия [84; 21]. На полицию также возлагались обязанности по проведению денежной подписки в помощь больным и раненным солдатам, для чего полицейские чины осуществляли обходы домов с подписными листами [62; 18, 20].

По инициативе чинов Каргопольской уездной полиции [14], поддержанного чинами Петрозаводской городской полиции [83], из сумм денежного содержания всех полицейских ежемесячно отчислялись небольшие средства, которые затем направлялись в Управление общества Красного Креста и его местные учреждения.

Противодействие росту цен и обеспечение продовольствием

Одной из серьезных проблем в России в период войны стал рост цен на продовольствие, обусловленный неподготовленностью и отсталостью сельского хозяйства, нехваткой мужских рабочих рук в связи с мобилизацией, снижением количества и качества посевных площадей. Уже в 1915 г. это привело к резкому сокращению производства продуктов питания и их подорожанию, что в полной мере отразилось на снабжении Олонецкой губернии, не обеспечивавшей себя продовольственным зерном из-за сложных климатических условий Русского Севера.

Для предотвращения противоправных действий со стороны населения и возможных погромов лавок частных торговцев, подозреваемых в «сокрытии товара и искусственном поднятии цен», Департамент полиции в циркулярах неоднократно требовал от губернаторов силами полиции такие ситуации «предупреждать и немедленно прекращать самыми решительными мерами, но при этом отнюдь не прибегать к действию оружием» [38; 6, 10, 29, 30], [59; 27—28].

Для обеспечения Олонецкой губернии продовольствием, а также преодоления продовольственного и фуражного кризиса, угрожавшего голодом [63; 47—48], со стороны губернской власти принимались всевозможные меры, в том числе при участии полиции [38; 7—9], на которую был возложен надзор за закупками и пресечением вывоза продовольствия и фуража за пределы губернии. Виновные в нарушении этих правил после дознаний подвергались большим денежным штрафам и реквизиции продуктов по решению Окружного суда [49; 32, 33—37]. Полиция также решала задачу по пресечению вывоза хлеба за границу, особенно в соседнюю Финляндию, с которой граничили Петрозаводский и Повенецкий уезды [49; 29а].

В 1915 г. по предписанию военных властей полиция обязана была оповещать население об установленных твердых закупочных ценах и условиях реквизиции продовольствия для нужд армии через информирование в газетах и вывешивание объявлений в общественных местах. Кроме того, на полицию губернатором возлагалось и доведение до населения объявлений о ценах на основные местные продукты питания [63; 45], прейскурант на которые вырабатывался уездными совещаниями по

установлению твердой таксы, включая и рыбу сорных сортов, вылавливаемую в многочисленных местных водоемах [63; 52, 56], не говоря уже о скудных запасах производимого продовольственного зерна и фуража [63; 57—59].

Для давления на торговцев, взвинчивавших цены на товары первой необходимости, и пресечения их укрывательства, губернатор обязательным постановлением от 16 ноября 1915 г. возложил на полицию задачи по привлечению виновных к ответственности [40; 1], частные торговцы [51; 14—19] после полицейского дознания в административном порядке подвергались «денежному взысканию в доход Государственного казначейства» [40; 1].

В 1916 г. недостаток и дороговизна продовольствия вызвали в крестьянской среде активизацию кооперативного движения, направленного на открытие в селах т.н. «Обществ потребителей». В связи с этим на полицию была поставлена задача «истребовать от учредителей устав общества в двух экземплярах» с их подписями и оплаченным гербовым сбором [61; 22—24]. После этого потребительские общества получали право самостоятельно закупать товары в Петрограде и в других местах [63; 38], создавая здоровую конкуренцию произволу купцов и торговцев. Но и здесь полицией осуществлялся жесткий контроль на предмет завышения цен, и виновные также подвергались существенному денежному штрафу [41; 1].

На фоне дороговизны хлеба поднялись цены и на корма для лошадей, в связи с чем полиции приходилось также включаться в разрешение конфликтных ситуаций и урегулирование цен на гужевые и извозчичьи перевозки [79; 27—31].

В условиях почти полного бездорожья в Олонецкой губернии, особое наблюдение со стороны полиции велось в отношении подводной повинности, определенной обязательным постановлением губернатора. По нему крестьяне обязаны были обеспечивать своевременную подачу подвод с лошадьми для участия в перевозках продовольственных, иных и воинских грузов [49; 2—3]. Вследствие снижения поставок продовольствия и фуража в губернию, уезды которой имели со своими волостями и отдаленными районами в большей степени только гужевую связь, в 1915 г. стали возникать проблемы с содержанием ямских станций и лошадей, которых было нечем кормить. Жаркий и засушливый 1914 г. стал неурожайным в отношении посевов овса и заготовок сена, а следствием этого — дефицит местного фуража и бескормица лошадей. Такое положение существенно повлияло и на доставку корреспонденции в отдаленные районы, а значит и на сроки проведения мобилизационных мероприятий [49; 4—4а].

Несмотря на то, что полиция, производя дознания по таким делам, привлекала виновных к ответственности, одними репрессивными мерами эту проблему решить было невозможно [49; 5]. Только с образованием в начале 1916 г. в губернии Особого совещания по продовольственному делу, взявшему под свое руководство и контроль вопросы обеспечения населения продовольствием и фуражом [63; 46], несвойственные полиции задачи были с неё полностью сняты.

Борьба с болезнями и эпидемиями

В условиях нехватки в Олонецкой губернии продовольствия и ослабления устойчивости населения к болезням, особенно детей, к началу 1917 г. в губернии все чаще стали отмечаться случаи массового распространения инфекционных заболеваний: натуральной и ветряной оспы, скарлатины, а также непременного спутника войны — сыпного тифа. На полицию совместно с органами здравоохранения была возложена профилактика распространения этих заболеваний. Она заключалась в полицейском обеспечении проведения врачебно-фельдшерским составом дезинфекций в домах заболевших и умерших, включая и учебные заведения, а также прививки оспы всем контактировавшим с больными [82; 11, 21, 26, 28, 55, 68—69, 115—119, 175, 183—184].

В начале войны были отмечены случаи эпидемии сибирской язвы среди скота в Вытегорском уезде [10; 15, 16], для предотвращения распространения которой по губернии совместно с ветеринарными врачами и администрацией принимала участие и местная полиция [78; 17].

Обеспечение «сухого закона» и борьба с пьянством

Еще одним направлением деятельности полиции в военное время стало обеспечение т.н. «сухого закона» и борьба с пьянством. Еще до войны государственная монополия на продажу спиртных напитков давала российской казне огромную прибыль в 600—700 миллионов руб. в год, составлявшую 1/5 часть всех государственных доходов [11; 2—4]. До войны в Олонецкой губернии, как и по всей стране, расширялась виноторговля, в т.ч. на основании расписания от Акцизного управления Новгородской и Олонецкой губерний по «взиманию патентного сбора с заведений для продажи крепких напитков», утвержденного в 1913 г. на 3 последующих года. Во внегородских поселениях, разбитых на разряды, на том момент числилось 276 трактиров, буфетов, пивных лавок, ренсковых погребов, оптовых

складов пива и вин, т.н. «временных выставок» [43; 61—63], не считая питейных заведений в Петрозаводске и уездных городах.

С первых дней мобилизации в Олонецкой губернии по обязательному постановлению губернатора от 6 марта 1913 г., введенному на основании Положения чрезвычайной охраны с 24 июля 1914 г., сразу же были закрыты все винные лавки и прекращена торговля крепкими напитками [16]. Вскоре последовало и Высочайшее повеление о воспрещении продажи водки на все время войны, кардинальным образом выводившее жителей России из числа ее потребителей в рамках т.н. «сухого закона». В соответствии с ним вышли и обязательные постановления губернатора от 3 августа 1914 г., а также от 4 марта и 16 июля 1915 г., воспрещавшие распитие спиртных напитков в публичных местах, появление в пьяном виде, изготовление, продажу и хранение опьяняющих напитков из смесей и браги.

Полиция выявляла нарушителей и пресекала любые попытки частных лиц изготовить напитки выше допускаемой крепости, даже на основе кваса [35; 1]. Все виновные, проходившие по таким делам, подвергались денежному взысканию, а при «несостоятельности» — заключению под стражу в арестных помещениях полицейских управлений [57; 50]. Полицией своевременно выявлялась и преследовалась реализация продукции домашнего пивоварения [40; 52—53], деятельность тайных притонов по продаже спирта и алкогольного кваса [40; 54].

В условиях винных запретов губернские власти постоянно требовали от полицейских наблюдения за теперь уже бывшими питейными заведениями на предмет выявления незаконной торговли крепкими напитками, а заодно и за репертуаром их граммофонных пластинок [46; 1—5].

Другой строгий запрет, наложенный обязательным постановлением губернатора от 16 октября 1914 г., касался отпуска спирта и спиртосодержащих жидкостей из аптек, которые разрешалось отпускать только по письменному разрешению полиции [17]. 5 ноября 1914 г. поступил циркуляр Министерства финансов, официально разрешавший реализовать в России эти товары «по особым всякий раз разрешениям полиции и рецептам врачей для химических, технических, ученых, учебных, фармацевтических, лечебных и тому подобных надобностей». На этом основании стали поступать многочисленные заявки на открытие указанной торговли, и согласно спискам полиции о прошлых правонарушениях, неблагонадежные заявители получали отказ. Только дисциплинированным заявителям разрешалась распродажа остатков крепких напитков и виноградных вин исключительно по удостоверениям полиции и только для указанных надобностей [43, л. 55—56].

На этом фоне активизировался интерес крестьян и различных обществ к открытию в городах и уездах разного рода «подконтрольных полиции заведений», суливших им во время войны большой доход. Однако полиция, выдавая заключения по каждому отдельному заявлению, чаще выступала за их отклонение, включая и продажу легких виноградных вин и пива, на которые население буквально «набросилось» ввиду отсутствия в продаже водки [43].

Отклонению «на время военных действий» также подлежала продажа специальных водок и виноградных вин для церквей и в больницы по рецептам врачей [43; 54—55]. С поступлением в губернию на излечение раненых солдат, тем не менее, возникла большая потребность в спирте и вине для медицинских целей, в связи с чем власти пришлось согласиться на продажу алкогольной продукции для этих целей [43; 70—71]. При этом на полицию возлагались обязанности строгого надзора за её организацией с выдачей необходимых разрешений на общих правах, а также борьба с беспатентной торговлей этими товарами [43; 68].

Несмотря на жесткость полицейского надзора и хорошо отлаженную систему контроля за выполнением правил торговли спиртным, в губернии стали появляться лазейки для нарушения «сухого закона». Одну из них создало образованное в конце 1915 г. Петрозаводское отделение Петроградского жандармского полицейского управления на железной дороге. Его начальник подполковник А. К. Вадецкий [88], пользуясь властью в полосе отчуждения строящейся Мурманской железной дороги (по 5 верст в обе стороны от линии дороги), взял на себя право выдачи таких разрешений, причем «на значительное количество бутылок и притом лицам, не проживающим в полосе отчуждения» [43; 67]. Это обстоятельство вынудило губернатора требовать усиления работы полиции вблизи указанной полосы отчуждения и принятия более суровых мер для пресечения незаконной виноторговли.

На общем фоне этой борьбы полицией все чаще стали выявляться случаи злоупотребления населением спиртосодержащими техническими жидкостями — денатуратом (денатурированный спирт), политурой [35; 7] и лаком [35; 11—12], реализация которых была поставлена под её наблюдение еще в начале войны. Для предупреждения этого явления торговцы строго предупреждались в полиции под подписку о последствиях незаконной торговли этими жидкостями для целей употребления и за нарушение обязательных постановлений [49; 30—31]. Тем не менее, полицейские постоянно изымали

денатурированный спирт у предприимчивых частных лиц, которые продолжали бойко торговать им из-под полы [82; 121].

Не менее серьезной проблемой стала борьба с пьянством, даже в условиях военного времени распространявшимся среди рабочих и крестьян, а также среди должностных лиц сельской администрации, призванных бороться с этим злом всеми мерами [64; 1]. После дознаний в отношении этих лиц губернское руководство вынуждено было избавляться от них несмотря на выборный статус [64; 2—3].

На фоне успешной борьбы полиции с виноторговлей и пьянством на смену употреблению спиртного в города и села пришла новая беда — азартные игры в карты и бильярд, которым владельцы бывших питейных заведений пытались вернуть прежнюю клиентуру [46; 6—19].

С подорожанием стоимости мужской рабочей силы и при отсутствии других возможностей тратить заработанное, в этих играх рабочие и крестьяне чаще целиком проигрывали свое жалование, инвентарь, скот и даже хозяйства, обрекая семьи на голодное существование. При недостатке чинов полиции, вынужденных охранять общественный порядок вблизи подобных заведений, которые и в мирное время были замечены «в склонности к азартным играм, буйству и дракам», эта задача отвлекала их от более важных дел [46; 15—16].

Для профилактики пьянства и азартных игр в губернии под контролем полиции устраивались общественные спектакли в пользу уездных отделений т.н. «Романовского комитета попечительств о народной трезвости» [82; 49], а также проводился ряд профилактических мероприятий.

Борьба с уголовной преступностью

Уголовная преступность среди населения Олонецкой губернии в большей степени всегда была следствием пьянства, которая стала уменьшаться на фоне решительной борьбы с незаконной виноторговлей.

Однако во время войны в целом по России стал меняться и характер самих преступлений. Так, вместе с беженцами из районов боевых действий в западных областях страны во внутренние губернии начало поступать и оружие. Ввиду этого для полиции, ранее не сталкивавшейся со столь резким ростом вооруженной преступности, в Департаменте полиции были выработаны новые требования по проведению личного досмотра подозреваемых и задержанных лиц на предмет выявления и изъятия у них оружия [38; 11].

В годы войны появились и новые виды преступлений, связанные с появлением переодетых в военную форму темных личностей, выдававших себя за «прибывших с позиций» солдат, предлагавших родственникам фронтовиков услуги по доставке посылок и денег якобы, для передачи в Действующую армию. В связи с этим Департамент полиции строго предписал всем полицейским чинам информировать местное население об этом виде преступной деятельности и установить «строжайшее наблюдение за переодетыми в солдатскую форму лицами, которых надлежит задерживать и привлекать к законной ответственности» [38; 12].

В условиях масштабного производства артиллерийских снарядов на Александровском казенном заводе в Петрозаводске и их испытания на местном полигоне полицией стали выявляться случаи хищения населением неразорвавшихся боеприпасов для разных бытовых нужд и продажи. Особую опасность представляла их начинка, взрывчатое вещество, ввиду чего полицией для исключения несчастных случаев было организовано оповещение населения [20], [21] о сдаче найденных снарядов в Петрозаводское полицейское управление [82; 22—23].

Для предотвращения драк местных жителей с многочисленными ссыльными, особенно из числа высланных из внутренних губерний по приговорам сельских обществ за хулиганство и аморальное поведение, постановлением губернатора еще от 4 сентября 1912 г. всему мужскому населению было категорически запрещено открытое ношение на поясе традиционных финских ножей, используемых обычно для хозяйственных нужд. Во время войны новым постановлением от 5 сентября 1915 г. эти требования были ужесточены для профилактики тяжких преступлений [51; 1—5].

Распространение информации и противодействие революционной пропаганде

Учитывая массовую неграмотность населения и недостаток информации о ходе войны, поступавшей в основном из центральных газет, в России было организовано широкое хождение «летучих листков» с рассказами о событиях на театре военных действий. Их рассылка и распространение среди жителей возлагалась губернатором наряду с земскими управлениями еще и на городскую и уездную полицию [37; 33].

Кроме того, полиция продолжала следить за просветительской деятельностью земских чиновников, не вполне патриотические высказывания на публичных чтениях и лекциях которых могли

стать поводом для возбуждения административного преследования [56; 28].

Полиции вменялось и пресечение деморализующего влияния, особенно на сельское население, со стороны прибывающих в отпуск нижних чинов, рассказывавших о военных неудачах, а также любой злонамеренной деятельности «революционных элементов, стремящихся подорвать престиж правительственной власти и создать благоприятную почву для дальнейшей преступной пропаганды». Для этого Департамент полиции своим секретным циркуляром от 24 декабря 1915 г. строго предписал «принять энергичные меры к выяснению лиц, виновных в распространении указанных выше слухов, производить о таковых лицах расследования и поступать в дальнейшем в зависимости от результатов таковых» [38; 28].

Хотя в Олонецкой губернии силами жандармерии и полиции все революционные организации были ликвидированы еще в 1908 г., однако обеспокоенность продолжали вызывать политические ссыльные. По линии жандармерии на полицию в дополнение к гласному надзору за ссыльными было возложено еще и негласное наблюдение [77; 15].

Одновременно от полиции требовалось вести сбор информации о недовольстве людей войной и об оскорбительных высказываниях в отношении правительства и царствующих особ [74; запись от 30.12.1914].

Защита государственных интересов от шпионажа

Для защиты государственных интересов от внимания разведки противника, в т.ч. в тыловых районах, а также от проникновения шпионов, особенно со стороны соседней Финляндии, на полицию совместно с жандармерией была возложена задача выявления таких случаев. В этих же целях было организовано наблюдение за появлением посторонних лиц, действующих под видом оказания помощи солдатам, попавшим в плен [38; 21], а также беженцами из Царства Польского, «имеющих причастность или подозреваемых в ведении шпионажа» [38; 31].

К категории наблюдаемых лиц также были отнесены представители «Компании машин Зингер», зарегистрированной в США [38; 22—26], и американского Красного Креста, действовавшего в России под видом оказания гуманитарной помощи немецким и австрийским военнопленным на территориях их размещения [40; 51].

Дополнительно на полицию возлагалось составление списков всех иностранцев, проживавших на территории Олонецкой губернии [65; 3—4] с проверкой на предмет «подозрения в собирании различных о России сведений» [65; 5—6] и гласный надзор за ними.

Уже в августе 1914 г. в губернию стали высылаться из Петрограда и других близлежащих мест все военнообязанные и лица призывного возраста из числа подданных Германии и Австрии. Высылке подлежали даже те, кто родился в России или переехал сюда в детстве и никогда не выезжал за границу. Только в Пудожский уезд вместе с семьями под надзор полиции было депортировано 70 таких мужчин, получивших статус военнопленных. При этом они жили здесь «на свои средства, а некоторые на пособие, посылаемое Американским посольством» [65; 9—14]. Под гласный надзор полиции подпадали и лица, получившие статус «выдворенных» по тем же национальным признакам [65; 15—16].

Особой проверке подвергались местные немцы на предмет их лояльности действующей власти [76, л. 72—73], а также связи с высланными из других мест немцами «на предмет возможных диверсий» [74; запись от 20.01.1915] при наблюдении за их перепиской [76; 64].

Все вопросы противодействия шпионажу курировались Олонецким губернском жандармским управлением, руководство которого требовало от полицейских постоянного надзора за деятельностью иностранных подданных и подозрительных лиц, в т.ч. методами «тщательного негласного наблюдения» и «на случай обыска и ареста» [75].

Военнопленные

Взятые в плен на фронтах Первой мировой войны солдаты и офицеры противника размещались по всем губерниям России под охраной команд военного ведомства. Следует отметить, что страна не была готова к столь затяжной войне и не могла содержать большое количество военнопленных[3], ставших тяжким бременем для её финансовых возможностей. Для удешевления их содержания было предложено использовать военнопленных на казенных, общественных и сельскохозяйственных работах, а также на предприятиях оборонного значения, для благоустройства городов и ремонта земских трактов [37; 2].

В Олонецкую губернию первые военнопленные, 360 солдат и 3 офицера, поступили 16 сентября 1914 г. [17], и были направлены в Вытегорский уезд на сооружение шлюзов Мариинской водной системы под охраной специальной команды стражников [76; 69—70].

Для дополнительного надзора за военнопленными была привлечена и полиция. Так,

предписанием МВД от 14 июня 1915 г. от всех губернаторов требовалось обеспечить через полицию «строжайшее наблюдение за порядком расквартирования и содержания всех без исключения военнопленных в местах производства всякого рода работ». При этом на неё возлагалась передача военнопленных, «уличенных в каких бы то ни было вызывающих действиях», военному начальству [37; 6]. К тому же, для оказания помощи военному ведомству в пресечении различных эксцессов среди военнопленных Департамент полиции циркуляром от 31 июля 1915 г. предоставил губернаторам права наложения на виновных дисциплинарных взысканий «через посредничество начальников местной полиции». В случаях серьезных нарушений порядка виновные подлежали передаче в распоряжение ближайшего военного начальника для принятия мер пресечения и наказания [38; 16].

В циркуляре от 2 августа 1915 г. Департамент полиции предупреждал губернаторов, что использование квалифицированных военнопленных на промышленных производствах может «вызвать не только справедливое недовольство, но и озлобление той части местного населения, которая приобретает средства к жизни исключительно работами на фабрике и заводе и в привлечении к этим работам военнопленных увидит конкурентов» [38; 15].

Наблюдение и предупреждение эксцессов, которые могли иметь место в связи с трудовой конкуренцией, также было возложено на местную полицию. Петрозаводской полиции было предписано вести наблюдение за привлечением квалифицированных военнопленных к оборонным работам на Александровском заводе, выпускавшем артиллерийские снаряды. К началу 1917 г. в заводских цехах и на лесных заготовках топлива трудилось 600 военнопленных, и ещё 16 выполняли хозяйственные работы по заданиям Петрозаводской городской управы. Здесь же со стороны губернатора полиции было предписано вести учет наличия военнопленных и контролировать род их занятий [82; 185—187].

В связи с возникшей в стране угрозой голода и снижением норм отпуска продуктов населению, нормы довольствия для военнопленных были сокращены, что вызвало их массовые заболевания сыпным тифом, повлекшие и многочисленные смерти. В этой ситуации полицией был организован особый надзор за выполнением санитарных норм при погребении умерших в отведенных для этого местах, в т.ч. при групповом захоронении [82; 59—61].

К началу 1917 г. из военнопленных южнославянских народов, сербов, чехов, словаков и поляков, изъявивших желание воевать на стороне России, началось формирование армейского корпуса. Одна из частей корпуса в составе 1000 нижних чинов под командой 40 офицеров прибыла в Петрозаводск эшелоном 12 января 1917 г. Их предстояло разместить в ожидании дальнейшей переброски на Мурман, с последующей отправкой морем на фронт во Францию и Салоники. Губернатор, как всегда, возложил на городскую полицию функции наблюдения за размещением этой части и содействия должностным лицам губернской и городской власти по проблемным вопросам [82; 14—15]. Ввиду переполнения города военными и железнодорожниками, участвовавшими в строительстве Мурманской железной дороги, найти условия для их компактного размещения не представлялось возможным. Поэтому вся эта воинская часть была размещена в учебных заведениях и в общественных собраниях Петрозаводска [82; 27].

Один из инцидентов, связанных с пребыванием солдат корпуса в Петрозаводске, произошел в кинотеатре «Триумф» между полицейским помощником городского пристава и сербским офицером, который был задержан как самовольно отлучившийся военнопленный ввиду отсутствия у него каких либо знаков отличия. Для разрешения конфликта полицмейстеру пришлось заплатить возмущенному сербу 18 рублей из личных средств, якобы утерянных им при полицейском задержании, а также разместить его с комфортом в дорогих номерах. После этого помощник пристава, ревностно выполнявший свои обязанности, был незамедлительно уволен с передачей его, как военнообязанного, в распоряжение Петрозаводского воинского начальника для отправки на фронт [82; 84—85].

Полицейское обеспечение строительства Олонецкой и Мурманской железных дорог

В начальный период войны весьма важное государственное значение приобрел Архангельский порт, в который в период навигации поступали военные грузы для нужд Русской императорской армии из Великобритании и США. Сезонность работы порта, замерзавшего в зимнее время, вынудила Совет Министров Российской империи в декабре 1914 г. принять решение о срочном строительстве незамерзающего Мурманского порта и ведущей к нему железной дороги.

В Олонецкой губернии еще с 1912 г. велось строительство Олонецкой железной дороги от станции Званка до Петрозаводска [8; 3]. В начале 1915 г. началось строительство Мурманской железной дороги от Петрозаводска до Сороки (ныне — Беломорск) и далее до Мурманска.

В условиях малых сроков, отпущенных на её строительство, и ограниченных ресурсов в Олонецкой губернии свободных мужских рабочих рук вследствие мобилизации, сразу же возникла

проблема завоза рабочих из других губерний. На строительство Мурманской железной дороги в начале 1915 г. потянулись из центральных губерний России люди разных сословий: крестьяне, купцы, дворяне, в том числе инженеры и служащие путей сообщения, а также беженцы из охваченных войной западных губерний [52; 1—16]. Числящимся в запасе ратникам ополчения 1-го разряда участие в строительстве давало отсрочку от армии. На строительство также завозились финские рабочие и завербованные китайцы.

Для полицейского обеспечения строительства обязательным постановлением губернатора от 4 сентября 1912 г., объявленным в связи с началом строительством Олонецкой железной дороги и переобъявленным 4 марта 1915 г. с началом строительства Мурманской железной дороги, на полицию была возложена обязанность пресекать действия рабочих, направленные на «подстрекательство к стачкам и всякого рода насилиям» [36; 2, 3, 8, 9]. Под особый контроль полиции переходила доставка и использование взрывчатых веществ, пороха и динамита, необходимых для строительства выемок в скальном грунте [62; 4—6]. Одновременно в губернии был установлен надзор за приобретением разных компонентов, в т.ч. азотной кислоты, необходимых для кустарного изготовления взрывчатых веществ [82; 63].

С выходом положения Совета Министров от 5 июня 1915 г., Высочайше утвержденного 1 июля 1915 г., для нужд железнодорожных обществ к работе разрешено было привлекать и военнопленных [37; 21]. Для этого в Олонецкую губернию был направлен дополнительный контингент военнопленных, который под охраной военной стражи приступил к строительству дороги на Мурман. В целях подготовки к прибытию первой и следующих партий военнопленных на дорожно-строительные работы [37; 16] в июне 1915 г. губернатор провел расширенное совещание с участием земства и полиции [49; 31а].

В рамках полицейского обеспечения строительства с середины 1915 г. все находящиеся под гласным надзором полиции ссыльные удалялись из полосы отчуждения железной дороги на основании Правил о военном положении и Положения о чрезвычайной охране [38; 14].

В ходе строительства для поиска дополнительного пропитания военнопленные пользовались разрешением стражи свободно ходить в близлежащие селения, что давало возможность для совершения побегов. Целью бежавших было добраться до границы Великого княжества Финляндского, затем — в нейтральную Швецию, с последующим возвращением на родину.

Полицейские стражники с помощью местных жителей своевременно задерживали беглецов, передавая их во вновь учрежденное в конце 1915 г. Петрозаводское отделение Петроградского жандармского полицейского управления железных дорог [62; 8], руководство которого чаще не знало, какие меры наказания применить к беглецам, впрочем, как и сам губернатор [39; 21—24].

Большое количество военнопленных, разбросанных по всей губернии, вынуждало полицию обеспечивать постоянное наблюдение за их содержанием при взаимодействии с органами военной охраны. О количестве военнопленных свидетельствуют данные начала 1918 г. Так, в Олонецкой губернии к этому периоду из 9583 нижних чинов, 2 врачей и 2 санитаров военнопленных иностранных армий [87; 37] только на строительстве Мурманской железной дороги находилось 7859 человек, что составляло 82% от общего числа [87; 33].

По мере продвижения строительства к Сорокской бухте на Белом море уже к концу 1916 — началу 1917 г. в пределах Олонецкой губернии на Мурманской железной дороге было обустроено 42 неохраняемых переезда. Их охрана с открытием движения поездов первоначально была возложена губернатором на Петрозаводскую уездную полицию [62; 15, 16, 20, 21], которая должна была предотвращать происшествия и аварии на путях учитывая то, что местные жители «постоянно прогуливаются по железнодорожным путям, особенно вблизи городов и селений, разбрасывая по полотну камни, палки и другие предметы» [63; 42].

Беженцы

Еще одним направлением деятельности губернской полиции в военное время стало наблюдение за многочисленными беженцами из охваченных войной западных губерний. Приезжая с многочисленными семьями в спокойную и бедную Олонецкую губернию без имущества, теплой одежды и не имея достаточных средств существования, беженцы пытались хоть как-то здесь закрепиться и устроиться. Эти люди искали защиты у местной власти, испрашивая пособия для жизни. Ввиду этого полиция должна была не только изучать действительное положение просителей, часто находившихся на вокзале Петрозаводска, но искать их для передачи выделяемых мизерных денежных средств [40; 27].

Полицейские исправники к тому же обязаны были постоянно докладывать губернатору о количестве прибывших в уезды беженцев, вынужденных искать любую работу, в том числе поступая

чернорабочими на строительство Мурманской железной дороги [61; 17].

Беженцы также обращались в полицейские управления за получением новых паспортов взамен просроченных или утерянных при спешном бегстве из районов боевых действий [84; 84—85]. В наиболее сложном положении находились беженцы из Польши, имевшие лишь удостоверения «Общества вспомоществования жертвам войны», которые не могли служить основанием для выдачи им видов на жительство [85; 79, 81].

В Олонецкую губернию согласно закону военного времени высылались и австрийские подданные из занятой русскими войсками Галиции [79; 22—24], и на полицию возлагалось составление списков «на лиц гражданского состояния, уведенных войсками с неприятельской территории» и препровожденных в губернию на правах пленных [61; 1—3].

Состояние Олонецкой полиции к началу 1917 году и её замена милицией в ходе Февральской революции

Все эти дополнительные функции в деятельности полиции, вызванные положением военного времени, выполнялись ею в государственной системе управления губернией параллельно с основными функциями [7; 12—36]. Как было показано выше, из-за неразвитости органов самоуправления на полицию руководством губернии возлагались совсем несвойственные ей задачи, выполнявшиеся малочисленными силами в условиях мизерного денежного содержания полицейских чинов, остававшимся и к концу 1916 г. на уровне мирного времени.

В тяжелейших условиях военного времени чины Олонецкой полиции в полной мере мужественно переносили вместе с населением все жизненные тяготы, вызванные всеобщей дороговизной на продукты питания и предметы первой необходимости. В не меньшей степени вместе с ними от недостатка питания и нехватки средств существования страдали и их семьи. Повышение цен на наемные квартиры в серьезной степени влияло на достаток нижних чинов, что приводило к конфликтам, в которые приходилось вмешиваться полицейскому руководству [82; 91—97]. Каждодневные тяжелые условия службы, бесконечные дежурства, посты и ночные обходы не могли не отразиться на состоянии текучести кадров — текучесть полицейских чинов к 1916 г. составила 20,5% их общей численности [3; 90].

В связи с таким положением дел, характерным для полиции всей России, закреплению её профессионального состава должно было способствовать весьма запоздалое постановление Совета Министров империи от 23 октября 1916 г. «Об усилении полиции в 50 губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов». В рамках организационно-штатной поддержки полицейских органов предполагалось улучшить служебное и материальное положение всех чинов. С 1 ноября 1916 г. полицейским впервые с начала войны было повышено денежное содержание, увеличены штатные расписания и статус классных чинов, оплата разъездных и канцелярских расходов [82; 29, 127, 128, 131]. Городовые стали получать в год по 450 руб. и добавочное содержание в размере 9 руб. ежемесячно.

Благодаря выделенным кредитам в этот период удалось организовать наём более удобных и просторных помещений для полицейских канцелярий с отоплением и освещением, ввиду чего в феврале 1917 г. пристав Петрозаводска переехал в новое помещение, оплаченное по годовому договору с владельцем по 1918 г. [82; 124, 126].

Для укомплектования полицейских управлений до полного нового штата в начале 1917 г. в губернии был объявлен дополнительный набор желающих поступить на должности нижних чинов — городовых. При этом особого выбора среди мужчин в губернии, пережившей несколько мобилизаций и масштабное строительство Мурманской железной дороги, фактически не было. Поэтому в городовые вынужденно принимались «грамотные запасные чины, преимущественно из раненных, освобожденных сейчас от военной службы». В особых случаях могли быть приняты и лица, «не проходившие ряды войск, если грамотные и окажутся достаточно развитыми для занятия должности городового». Другой категорией стали ратники запаса, не подходившие для военной службы по возрасту, которые в индивидуальных случаях также могли быть приняты городовыми в полицию после личного собеседования с полицейским руководством [82; 25]. Набор на местах был организован и в сельской местности через становых приставов и урядников [82; 52].

Дополнительным фактором нежелания городского и сельского населения служить в полиции стало зафиксированное в начале 1917 г. резкое ухудшение отношения к ней со стороны общественности. В этот период проводилось расквартирование в Петрозаводске 7-го железнодорожного батальона, предназначенного для обслуживания строительства и охраны Мурманской железной дороги. Со стороны нижних военных чинов этой части сразу же стало отмечаться

вызывающее поведение в отношении полицейских во время увольнения в город [82; 16—17].

Вероятно, со стороны этих военных и началось активное влияние на местное городское население, от внимания которого не могло ускользнуть такое вызывающе безнаказанное отношение к полиции. Подражая военным, горожане также стали открыто высказывать свое негативное отношение к полицейским, даже используя прямые оскорбления, чего раньше не наблюдалось. Такая реакция со стороны отдельных граждан в ответ на законные требования полиции, направленные на поддержание общественного порядка, становились частым явлением [82; 190а].

В первых числах марта 1917 г. в Петрозаводске были получены тревожные сведения о февральских революционных событиях в Петрограде и об отречении императора Николая II. В связи с этим в городе и по всей Олонецкой губернии стали происходить стремительные изменения, связанные с отстранением от управления вице-губернатора, исполнявшего обязанности начальника губернии, накануне убывшего к новому месту назначения, органов местной власти, а также полиции и жандармерии.

С получением известий 3 марта 1917 г. в Петрозаводске предприимчивыми гражданами были разоружены полицейские и жандармы, образован Комитет общественной безопасности (КОБ), под контролем которого на месте полиции сразу же была учреждена гражданская милиция из представителей разных слоев общества. Эти события происходили в свете требований члена нового Временного правительства министра внутренних дел князя Г. Е. Львова, в соответствии с которыми вся полиция в России на уровне местного самоуправления преобразовывалась в милицию [22] под руководством новых губернских комиссаров Временного правительства. В Олонецкой губернии на эту должность был назначен Н. Ф. Кучевский.

14 марта 1917 г. на заседании милиционной комиссии был поставлен вопрос о реорганизации стихийно образованной в эти дни милиции, призванной в новых условиях на принципах «народного войска» поддерживать «порядок и охранять завоеванные народом свободы». Была предложена новая структура, состоявшая из комиссариата в составе двух отделов, уголовно-судебного и исполнительного под общим руководством военнослужащего 7-го железнодорожного батальона поручика (в некоторых источниках — подпрапорщика) В. Л. Томашевича [31].

Решение об организации городской милиции было принято 16 марта 1917 г., и на следующий день её руководителем был назначен поручик (подпрапорщик) В. Л. Томашевич [86; 64]. Его полномочия были подтверждены публикацией в местной газете [23], а окончательное утверждение в должности состоялось приказом Главного управления Генерального Штаба от 29 марта 1917 г., которым В. Л. Томашевич освобождался от военной службы и причислялся к штату служащих МВД [25].

Сначала 23 марта 1917 г., а затем на основании телеграммы из МВД от 26 марта приказом № 5 губернского комиссара Н. Ф. Кучевского от 27 марта 1917 г. в отставку окончательно были уволены все руководители полицейских управлений и классные чины полиции. Полицейские учреждения Олонецкой губернии также были полностью упразднены с передачей их функций новой милиции [24]. Однако нижние полицейские чины продолжали нести службу до 30 марта 1917 г. [86; 81—82], после чего были окончательно уволены с расчетом и выплатой содержания [86; 81—89].

Таким образом, в период с 3 по 27 марта 1917 г. на территории губернского центра, Петрозаводска, параллельно существовали органы старой полиции, отстраненные от функций охраны правопорядка и поддержания общественной безопасности, и новой милиции, взявшей на себя эти функции в рамках общественных инициатив в целях поддержания действующего российского законодательства. С 27 марта 1917 г. к милиции, новому территориальному органу охраны правопорядка в составе городских и земских самоуправлений [86; 69], от прежней полиции окончательно перешли все функции по охране «революционного» правопорядка в Олонецкой губернии.

Постановлением Временного правительства от 17 апреля 1917 г. на новую правоохранительную структуру возлагались общие обязанности на основании «Временного положение о милиции» [26], [27], [28], [29], 30].

С этого момента в России началось формирование т.н. «народной милиции», призванной в перспективе стать такой же высокопрофессиональной организацией, как и прежняя царская полиция. Однако этого сделать не удалось. Но это уже другая история.

Заключение

Таким образом, созданная в Олонецкой губернии штатная полиция, заменившая дополицейские органы в 1778 г., служила делу охраны общественной безопасности и борьбы с преступностью 139 лет и с честью выполнила свое последнее предназначение в годы Первой мировой войны, обеспечив неукоснительное выполнение российского законодательства на территории края в условиях

чрезвычайного положения.

Созданные после Февральской, а затем Октябрьской революции 1917 года органы «народной» и рабочей милиции, Красной Гвардии и Наружной охраны, а затем Рабоче-Крестьянской и Советской милиции продолжили развитие дела охраны правопорядка и общественной безопасности в рамках сначала законодательства Российской империи, а затем Российской Республики, РСФСР и СССР.

В 1991 г. советская милиция была переименована в российскую и в 2011 г. — в современную российскую полицию, деятельность которых осуществлялась в соответствии с законами Российской Федерации.

Охрана правопорядка на территории Олонецкой губернии и Карелии всегда находилась в состоянии непрерывного развития, начиная с дополицейских времен и до настоящего времени, и каждый период заслуживает уважительного отношения и внимательного изучения.

Сегодня возвращение Олонецкой полиции прежнего доброго имени и неоспоримых заслуг, приниженных и искаженных революциями 1917 года, является неоплатным долгом перед прошлыми поколениями защитников правопорядка.

В рамках подготовки к предстоящему празднованию 300-летия российской полиции в 2018 г. эта задача приобретает особую актуальность в интересах обеспечения поступательного развития современного МВД по Республике Карелия, сохранения и преумножения его историко-культурного наследия. Настоящая статья является вкладом автора в дело подготовки к предстоящему юбилею и направлена на возвращение доброго имени Олонецкой полиции.

Список литературы:

1. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание третье. СПб, 1885. Т. I. № 350.
2. Собрание узаконений Российской империи, 10.01.1914 г. Отд. 1. Ст. 56.
3. Уткин Н. И. Россия — Финляндия: «карельский вопрос», М.: Международные отношения, 2003. 336 с.
4. Тарасов И. Т. Полиция России. М.: Книжный мир, 2011. 258 с.
5. Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы. Петрозаводск, 2012. 140 с.
6. Карелия в годы Первой мировой войны. Петрозаводск.: Verso, 2014. 494 с.
7. Федосов А. В. Полиция Олонецкой губернии накануне Первой мировой войны // Бюллетень Музея истории МВД по Республике Карелия, Петрозаводск, № 1 (37). 2012. С. 12—36.
8. Федосов А. В. Полицейское обеспечение строительства Олонецкой и Мурманской железных дорог в 1914—1917 годах // Бюллетень Музея истории МВД по Республике Карелия, Петрозаводск, № 3 (54). 2016. С. 2—10.
9. Сборник «Вестник Олонецкого губернского земства», 30.07.1914. № 14.
10. Сборник «Вестник Олонецкого губернского земства», 15.08.1914. № 15.
11. Сборник «Вестник Олонецкого губернского земства», 30.08.1914. № 16.
12. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 22.07.1914. № 136.
13. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 25.07.1914. № 140.
14. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 26.07.1914. № 141.
15. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 28.07.1914. № 143.
16. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 29.07.1914. № 144.
17. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 25.10.1914. № 220.
18. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 9.12.1914. № 257;
19. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 19.12.1914. № 266.
20. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 17.01.1917. № 6;
21. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 14.02.1917. № 16.
22. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 11.03.1917. № 25.
23. Газета «Олонецкие губернские ведомости» 21.03.1917. № 29.
24. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 30.03.1917. № 33.
25. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 13.04.1917. № 37.
26. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 4.05.1917. № 46.
27. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 6.05.1917. № 47.
28. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 9.05.1917. № 48.
29. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 16.05.1917. № 51.
30. Газета «Олонецкие губернские ведомости». 18.05.1917. № 52.

31. Газета «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности». 16.03.1917. № 1.

32. Газета «Известия Петрозаводского Комитета общественной безопасности». 19.03.1917. № 4.

Фонды национального архива:

Фонд 1 — Канцелярия Олонецкого губернатора:

33. Опись 2. Дело № 10/98. О распространении нелегальной литературы как за границей? так и в России в связи с юбилеем дома Романовых. О призыве новобранцев в войска гвардии 1-го Железнодорожного полка.

34. Опись 2. Дело № 10/99. Переписка о выдаче разрешения на выезд за границу Висковской и Геравила, о продаже съестных припасов воинским чинам.

35. Опись 2. Дело № 10/105. Дознания обвиняемых Петрозаводских мещан Григория и Анастасии Филипповых и сведения административного взыскания с крестьян.

36. Опись 2. Дело № 10/106. Обвинения крестьян в нарушении обязательного постановления Николая Артемова. Якова Евдокимова и Михаила Корнышева.

37. Опись 2. Дело № 10/107. Переписка и циркуляры о порядке содержания и использования на работе военнопленных.

38. Опись 2. Дело № 10/108. О недостатках продуктов первой необходимости и повышении цен, о мерах к сохранению государственного порядка и общественной безопасности.

39. Опись 2. Дело № 10/109. Ходатайство Надежды Савохиной об отобрании от управляющего купца Курчавова-Мирохина ей свидетельства на принадлежащее Савохиным судно.

40. Опись 2. Дело № 10/110. Дознания о продаже из лавки Пальчиков, Соболев и Ко в г. Повенце сахару по цене выше такового, сведения на лиц о политической благонадежности, о продаже лошадей забракованных в частях войск.

41. Опись 2. Дело № 10/111. Прошении о льготах призванных в солдаты, о награжденных церковных старостах. распоряжении о … отлучившихся из рот кр. Ерошкина.

42. Опись 3. Дело № 16/700. О выдаче пособий и прошений крестьян о сложении недоимок.

43. Опись 3. Дело № 16/706. О выдаче разрешений на открытие пивных лавок, буфетов и других питейных заведений с продажею крепких напитков.

44. Опись 3. Дело № 16/711. О выдаче разрешений на сборы пожертвований на разные благотворительные цели.

45. Опись 3. Дело № 16/712. О выдаче разрешений на открытие пивных лавок, буфетов и других питейных заведений с продажею крепких напитков.

46. Опись 4. Дело № 2/18. О выдаче разрешений на право постановки биллиардов, граммофонов и других музыкальных инструментов в питейных заведениях.

47. Опись 4. Дело № 2/19. О забраковании обуви, предназначенной для нужд армии.

48. Опись 4. Дело № 2/20. Переписка по выписке подошвенных кож из Петроградского Интендантского склада.

49. Опись 4. Дело № 2/21. Отчет по богадельне купцов Малокрошечных в гор. Пудоже, переписка по продовольственному вопросу.

50. Опись 4. Дело № 2/22. О забраковке сапог поступающих для нужд армии от разных общественных организаций.

51. Опись 4. Дело № 2/23. Циркуляры по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну.

52. Опись 4. Дело № 2/29. Список служащих и рабочих ратников ополчения 1 разряда законтрактованных на постройке Олонецкой железной дороги.

53. Опись 5. Дело № 34/334.

О высылке в Олонецкую губернию под гласный надзор полиции Савву Никифорова Хохи, Елесея Нестерова Хохи, Мануила Антонова Череватенка, Артема Устинова Швидука, Антона Никифорова Робака, Тараса Онуфриева Шведуна и Мсидора Лукина Замрия.

54. Опись 7. Дело № 2/25. Списки новобранцев Вытегорского уезда для освидетельствования политической благонадежности, а также о роде занятий до поступления на военную службу.

55. Опись 7. Дело № 2/29. О Михаиле Шаблыкине, поступающего в школу прапорщиков.

56. Опись 7. Дело № 2/30. Прошения лиц свидетельств о политической благонадежности. Об объявлении массовых побегов военнопленных. Подарки Американского благотворительного общества.

57. Опись 7. Дело № 2/31. Сведения, запрашиваемые на лиц поступающих на различные работу о их политической благонадежности и нравственных качествах.

58. Опись 7. Дело № 2/33. О доставлении сведений на разных лиц поступающих на работу.

59. Опись 7. Дело № 2/34. О доставлении сведений о лицах поступающих на службу в их

политической благонадежности.

60. Опись 7. Дело № 2/35. Сведения о лицах, поступающих в их политической благонадежности.

61. Опись 7. Дело № 2/36. О доставлении сведений о политической благонадежности на лиц, поступающих на работу.

62. Опись 8. Дело № 1/14. О разрешении приобретения взрывчатых веществ для строительных нужд и об охраняемых и неохраняемых ж.д. переездов.

63. Опись 8. Дело № 1/17. Переписка о благотворительных обществах по Олонецкой губернии.

64. Опись 9. Дело № 11/347. Об отстранении от должности сельского старосты Василия Кудряшова.

65. Опись 9. Дело № 11/348. Списки иностранцев.

66. Опись 9. Дело № 11/349. Переписка о неправильном освобождении и уклонении от военной службы крестьянина Ладвинской волости Ивана Матвеева Кирьянова и его сыновей; журнал заседаний Петрозаводского по военной повинности присутствия, посемейные и призывные списки.

67. Опись 9. Дело № 11/351. Ведомость о настроении различных групп населения Олонецкой губернии.

68. Опись 9. Дело № 11/353. Сведения о политической благонадежности лиц.

69. Опись 9. Дело № 11/356. Перечень работ подлежащих исполнению в Поросозерском Волостном правлении при мобилизации запасных нижних чинов и ратников государственного ополчения 1 разряда и разверстки наряда подвод для перевозки запасных нижних чинов на сборный пункт.

70. Опись 9. Дело № 11/359. О ходатайстве граждан о выдаче им свидетельства о политической благонадежности для поступления на службу.

71. Опись 9. Дело № 11/360. О розыске старшего унтер-офицера 17-го Сибирского стрелкового полка Григория Семеновича Вылегжанина.

72. Опись 9. Дело № 11/368. О выдаче свидетельств о политической благонадежности.

Фонд 19 — Олонецкое губернское жандармское управление:

73. Опись 3. Дело № 19/6. О происшествиях, а также по наблюдению за общественной жизнью.

74. Опись 3. Дело № 19/11. Путевой журнал унтер-офицеров дополнительного штата ОГЖУ Вытегорского пункта.

75. Опись 3. Дело № 20/2. О лицах, разыскиваемых Департаментом Полиции и другими Правительственными учреждениями.

76. Опись 3. Дело № 20/5. О происшествиях и наблюдении за общественной жизнью.

77. Опись 3. Дело № 20/6. О состоящих под гласным надзором полиции.

78. Опись 3. Дело № 20/8. С разнородной перепиской.

Фонд 325 — Петрозаводское городское полицейское управление:

79. Опись 2. Дело № 11/166. О высылке в Олонецкую губернию австрийских подданных Ивана Краковского, Михаила Пришаляк, ксенз Казимир Клюз, Киприян Карттинский, Аван Слепец и Копель Маркус. Постановление Городской Думы о установлении извозчика таксы.

80. Опись 2. Дело № 11/167. Переписка о ратниках ополчения 1 разряда призыва1899 г.

81. Опись 2. Дело № 12/17. Протокол о прибытого на родину нижний чин Сямозерской волости Петр Васильев.

82. Опись 2. Дело № 12/172. О введении новых штатов по усилению полиции с ноября 1916г. О разрешении благотворительных вечеров и спектаклей. О китайцах-торговцах, занимающихся разносной торговлей.

83. Опись 2. Дело № 12/173. Об удержании из жалования чинов полиции на нужды войны.

84. Опись 2. Дело № 12/174. Переписка по выдаче паспортов и свидетельств видов на жительство лицам, проживающим в г. Петрозаводске, том 1.

85. Опись 2. Дело № 12/175. Переписка по выдаче паспортов и свидетельств видов на жительство лицам, проживающим в г. Петрозаводске, том 2.

86. Опись 2. Дело № 12/177. О приходе и расходе сумм по содержанию б. Полицейского Управления и Милиции в 1917 году.

Фонд Р-29 — Олонецкий губернский отдел советского управления:

87. Опись 1. Дело № 3/44, Переписка о количестве военнопленных в пределах ОГ. Прошения военнопленных о разрешении остаться в Петрозаводске до заключения мирного договора.

Ресурсы сети Интернет:

88. Вадецкий Александр Константинович, подполковник, офицер Лейб-гвардии Павловского

полка, назначен (1914—1915 гг.?) начальником Петрозаводского отделения Петроградского жандармского полицейского управления железной дороги. URL: http://ria1914.info/index.php?title=Вадецкий_Александр_Константинович, свободный (Дата обращения 28.10.2016). После революции у него остался сын — Вадецкий Борис Александрович, ставший в 1918 г. беспризорником, а затем известным в СССР писателем. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Вадецкий,_Борис_Александрович (Дата обращения 28.10.2016).

References:

1. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The third collection/ [Polnoe Sobranie Zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobranie tretye]. SPb, 1885. — T. I. № 350.

2. Collection of Laws of the Russian Empire. [Sobranie uzakoneniy Rossiyskoy imperii]. 10 January 1914. Otd. 1. St. 56.

3. Utkin N. I. Russia — Finland: "Karelian question" [Rossiya — Finlyandiya: «karelskiy vopros»]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2003. 336 p.

4. Tarasov I. T. Russian police. [Politsiya Rossii]. M.: Knizhnyiy mir, 2011, 258 s.

5. Korablev N. A., Moshina T. A. Olonets governors and governors-general. [Olonetskie gubernatoryi i general-gubernatory]. Petrozavodsk, 2012. 140 p.

6. Karelia during the First World War. [Kareliya v gody Pervoy mirovoy voyny]. Petrozavodsk: Verso, 2014. 494 p.

7. Fedosov A. V. Police of the Olonets province on the eve of the First World War [Politsiya Olonetskoy gubernii nakanune Pervoy mirovoy voyny] // [Byulleten Muzeya istorii MVD po Respublike Kareliya]. Petrozavodsk, № 1 (37). 2012. P. 12—36.

8. Fedosov A. V. Police security support of the construction of Olonets and the Murmansk railway in 1914—1917 [Politseyskoe obespechenie stroitel’stva Olonetskoy i Murmanskoy zheleznykh dorog v 1914—1917 godakh] // Bulletin of the Museum of History of the Ministry of Interior for the Republic of Karelia [Byulleten Muzeya istorii MVD po Respublike Kareliya]. Petrozavodsk. № 3 (54). 2016. P. 2—10.

9. Collection "Bulletin of the Olonets Province Zemstvo". [Sbornik «Vestnik Olonetskogo gubernskogo zemstva»]. 30.07.1914. № 14.

10. Collection "Bulletin of the Olonets Province Zemstvo". [Sbornik «Vestnik Olonetskogo gubernskogo zemstva»]. 15.08.1914, № 15.

11. Collection "Bulletin of the Olonets Province Zemstvo". [Sbornik «Vestnik Olonetskogo gubernskogo zemstva»]. 30.08.1914, № 16.

12. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 22.07.1914. № 136.

13. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 25.07.1914. № 140.

14. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 26.07.1914. № 141.

15. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 28.07.1914. № 143.

16. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 29.07.1914. № 144.

17. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 25.10.1914. № 220.

18. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 9.12.1914. № 257.

19. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 19.12.1914. № 266.

20. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 17.01.1917. № 6.

21. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 14.02.1917. № 16.

22. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 11.03.1917. № 25.

23. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 21.03.1917. № 29.

24. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 30.03.1917. № 33.

25. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 13.04.1917. № 37.

26. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 4.05.1917. № 46.

27. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 6.05.1917. № 47.

28. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 9.05.1917. № 48.

29. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 16.05.1917. № 51.

30. Newspaper "Olonets provincial bulletin". [Gazeta «Olonetskie gubernskie vedomosti»]. 18.05.1917. № 52.

31. Newspaper "Izvestia of the Petrozavodsk Committee of Public Safety". [Gazeta «Izvestiya Petrozavodskogo Komiteta obschestvennoy bezopasnosti»]. 16.03.1917. № 1.

32. Newspaper "Izvestia of the Petrozavodsk Committee of Public Safety". [Gazeta «Izvestiya Petrozavodskogo Komiteta obschestvennoy bezopasnosti»]. 19.03.1917. № 4.

Karelian National Archive files:

Fond 1. The Office of the Governor of Olonets Province [**Kantselyariya Olonetskogo gubernatora**]

33. Opis 2. Delo № 10/98. About distributing illegal literature abroad and in Russia in connection with the anniversary of the Romanov dynasty. About drafted into the army guard of the 1st Railway Regiment. [O rasprostranenii nelegal'noy literatury kak za granitsey, tak i v Rossii v svyazi s yubileem doma Romanovykh. O prizyve novobrantsev v voyska gvardii 1-go Zheleznodorozhnogo polka].

34. Opis 2. Delo № 10/9. Correspondence for authorization to travel abroad for Viskovsky and Geravila, the sale of food supplies to military personnel. [Perepiska o vydache razresheniya na vyezd za granitsu Viskovskoy i Geravila, o prodazhe s'estnykh pripasov voinskim chinam].

35. Opis 2. Delo № 10/105. Inquiries of accused Petrozavodsk townspeople Grigory and Anastasia Filippov, and the information of an administrative penalty imposed upon peasants. [Doznaniya obvinyaemykh Petrozavodskikh meschan Grigoriya i Anastasii Filippovykh i svedeniya administrativnogo vzyskaniya s krestyan].

36. Opis 2. Delo № 10/106. Charges brought against Nicholay Artemov, Yakov Yevdokimov and Michael Kornyshev on violation of mandatory regulations. [Obvineniya krestyan v narushenii obyazatelnogo postanovleniya Nikolaya Artemova, Yakova Evdokimova i Mihaila Kornysheva].

37. Opis 2. Delo № 10/107. Correspondence and circulars on the detention and the use of prisoners of war at work. [Perepiska i tsirkulyary o poryadke soderzhaniya i ispol'zovaniya na rabote voennoplennykh].

38. Opis 2. Delo № 10/108. On the shortcomings of the food supplies and price increases, measures to preserve public order and public safety. [O nedostatkakh produktov pervoy neobkhodimosti i povyshenii tsen, o merakh k sokhraneniyu gosudarstvennogo poryadka i obschestvennoy bezopasnosti].

39. Opis 2. Delo № 10/109. Nadezda Savohina's petition to withdraw the certificate for a vessel belonging to her from the business manager of the merchant Kurchavova-Mirokhina. [Hodataystvo Nadezhdy Savokhinoy ob otobranii ot upravlyayuschego kuptsa Kurchavova-Mirokhina ey svidetel'stva na prinadlezhaschee Savokhinym sudno].

40. Opis 2. Delo № 10/110. Inquiries for sugar sale by Palchikov, Sobolev & Co. shop in Povenets at a higher price, the information on the persons' political loyalty, on the sale of the horses culled by the army. [Doznaniya o prodazhe iz lavki Palchikov, Sobolev i Ko v g. Poventse saharu po tsene vyshe takovogo, svedeniya na lits o politicheskoy blagonadezhnosti, o prodazhe loshadey zabrakovannykh v chastyakh voysk].

41. Opis 2. Delo № 10/111. Petition for benefits for the drafted soldiers, on the awarded churchwarden, order [to find] peasant Eroshkin who left the military unit. [Proshenii o l'gotakh prizvannykh v soldaty, o nagrazhdennykh tserkovnykh starostakh, rasporyazhenii o … otluchivshihsya iz rot kr. Eroshkina].

42. Opis 3. Delo № 16/700. On the issue of benefits and petitions of the peasants to forgive debts. [O vydache posobiy i prosheniy krestyan o slozhenii nedoimok].

43. Opis 3. Delo № 16/706. On the issue of permits for opening beer shops, barrooms and other pubs with sales of spirits. [O vydache razresheniy na otkrytie pivnykh lavok, bufetov i drugikh piteynykh zavedeniy s prodazheyu krepkikh napitkov].

44. Opis 3. Delo № 16/71. On the issuance of permits to collect donations for various charities. [O vyidache razresheniy na sboryi pozhertvovaniy na raznyie blagotvoritelnyie tseli].

45. Opis 3. Delo № 16/712. On the issue of permits for opening beer shops, barrooms and other pubs with sales of spirits. [O vydache razresheniy na otkrytie pivnykh lavok, bufetov i drugikh piteynykh zavedeniy s prodazheyu krepkikh napitkov].

46. Opis 4. Delo № 2/18. On the issue of permits for the installation of billiards, gramophones and other musical instruments in drinking establishments. [O vydache razresheniy na pravo postanovki billiardov, grammofonov i drugikh muzykal'nykh instrumentov v piteynykh zavedeniyakh].

47. Opis 4. Delo № 2/19. On the removal of low-quality boots, made for the army. [O zabrakovanii obuvi, prednaznachennoy dlya nuzhd armii].

48. Opis 4. Delo № 2/20. Correspondence about the order of sole leather from Petrograd Quartermaster Warehouse. [Perepiska po vypiske podoshvennykh kozh iz Petrogradskogo Intendantskogo sklada].

49. Opis 4. Delo № 2/21. Report on the poorhouse of merchants Malokroshechnykh in Pudozh, correspondence on the food issue. [Otchet po bogadel'ne kuptsov Malokroshechnykh v gor. Pudozhe, perepiska po prodovol'stvennomu voprosu].

50. Opis 4. Delo № 2/22. On the removal of low-quality army boots, coming from different social organizations. [O zabrakovke sapog postupayuschikh dlya nuzhd armii ot raznykh obschestvennykh organizatsiy].

51. Opis 4. Delo № 2/23. Circulars on how to assist the families of persons called up for war. [Tsirkulyary po okazaniyu pomoschi semyam lits, prizvannykh na voynu].

52. Opis 4. Delo № 2/29. List of employees and workers, recruits of the first category, contracted to build the Olonets railway. [Spisok sluzhaschikh i rabochikh ratnikov opolcheniya 1 razryada zakontraktovannykh na postroyke Olonetskoy zheleznoy dorogi].

53. Opis 5. Delo № 34/334. On the expulsion into Olonets province under open police surveillance of Savva Nikiforov Hoha, Elesey Nesterov Hoha, Manuil Antonov Cherevatenko, Artem Ustinov Shviduk, Anton Nikiforov Robak, Taras Onufriev Shvedun and Msidor Lukin Zamriya. [O vysylke v Olonetskuyu guberniyu pod glasnyy nadzor politsii Savva Nikiforova Hohi, Eleseya Nesterova Hohi, Manuila Antonova Cherevatenka, Artema Ustinova Shviduka, Antona Nikiforova Robaka, Tarasa Onufrieva Shveduna i Msidora Lukina Zamriya].

54. Opis 7. Delo № 2/25. Lists of recruits Vytegorsky uezd (county) for surveying of their political reliability, and the occupation before enlistment. [Spiski novobrantsev Vytegorskogo uezda dlya osvidetel'stvovaniya politicheskoy blagonadezhnosti, a takzhe o rode zanyatiy do postupleniya na voennuyu sluzhbu].

55. Opis 7. Delo № 2/29. About Michael Shablykin entering the warrant school. [O Mikhaile Shablykine, postupayuschego v shkolu praporschikov].

56. Opis 7. Delo № 2/30. The petitions of persons for certificates of political reliability. On the declaration of the mass escapes of prisoners of war. Gifts of the American Benevolent Society. [Prosheniya lits svidetelstv o politicheskoy blagonadezhnosti. Ob ob'yavlenii massovykh pobegov voennoplennykh. Podarki Amerikanskogo blagotvoritel'nogo obschestva].

57. Opis 7. Delo № 2/31. Information required on persons who go at different work of their political loyalty and moral qualities. [Svedeniya, zaprashivaemye na lits postupayuschikh na razlichnye raboty o ikh politicheskoy blagonadezhnosti i nravstvennykh kachestvakh].

58. Opis 7. Delo № 2/33. Regarding the delivery of information on different persons coming to work. [O dostavlenii svedeniy na raznykh lits postupayuschikh na rabotu].

59. Opis 7. Delo № 2/34. Regarding the delivery of information about persons entering the service of their political loyalty. [O dostavlenii svedeniy o litsakh postupayuschikh na sluzhbu v ikh politicheskoy blagonadezhnosti].

60. Opis 7. Delo № 2/35. Information on persons entering (the service) of their political reliability. [Svedeniya o litsakh, postupayuschikh v ikh politicheskoy blagonadezhnosti].

61. Opis 7. Delo № 2/36. Regarding the delivery of information about persons entering the service of their political loyalty. [O dostavlenii svedeniy o politicheskoy blagonadezhnosti na lits, postupayuschikh na rabotu].

62. Opis 8. Delo № 1/14. On authorizing the purchase of explosives for construction needs and about the protected and unprotected railway crossings. [O razreshenii priobreteniya vzryvchatykh veschestv dlya stroitel'nykh nuzhd i ob okhranyaemykh i neokhranyaemykh zh.d. pereezdakh].

63. Opis 8. Delo № 1/17. Correspondence about the charitable societies of Olonets province. [Perepiska o blagotvoritel'nykh obschestvakh po Olonetskoy gubernii].

64. Opis 9. Delo № 11/347. On the dismissal of the head of the village Vasily Kudryashov. [Ob otstranenii

ot dolzhnosti sel'skogo starosty Vasiliya Kudryashova].

65. Opis 9. Delo № 11/348. Lists of foreigners. [Spiski inostrantsev].

66. Opis 9. Delo № 11/349. Correspondence about the wrong release and evasion of military service by Ladvinsk volost peasant Ivan Kiryanov Matveyev and his sons; minute-book of the Petrozavodsk recruiting office, family and conscription lists. [Perepiska o nepravil'nom osvobozhdenii i uklonenii ot voennoy sluzhb krestyanina Ladvinskoy volosti Ivana Matveeva Kiryanova i ego syinovey; zhurnal zasedaniy Petrozavodskogo po voennoy povinnosti prisutstviya, posemeynye i prizyvnye spiski].

67. Opis 9. Delo № 11/351. Information about the mood of the different groups of the population of Olonets province. [Vedomost' o nastroenii razlichnykh grupp naseleniya Olonetskoy gubernii].

68. Opis 9. Delo № 11/353. Information about persons' political reliability. [Svedeniya o politicheskoy blagonadezhnosti lits].

69. Opis 9. Delo № 11/356. The list of works to be executed by the Porosozersk district board in mobilizing lower ranks reservists and the state militia recruits of the first category, and carts distribution for transportation of reservists to the assembly point. [Perechen' rabot podlezhaschikh ispolneniyu v Porosozerskom Volostnom pravlenii pri mobilizatsii zapasnykh nizhnkh chinov i ratnikov gosudarstvennogo opolcheniya 1 razryada i razverstki naryada podvod dlya perevozki zapasnykh nizhnkh chinov na sbornyy punkt].

70. Opis 9. Delo № 11/359. On petition of citizens to issue them a certificate of political reliability for service enlistment. [O khodataystve grazhdan o vydache im svidetelstva o politicheskoy blagonadezhnosti dlya postupleniya na sluzhbu].

71. Opis 9. Delo № 11/360. On searching the senior non-commissioned officer of the 17th Siberian Infantry Regiment Grigory Semenovich Vylegzhanin. [O rozyske starshego unter-ofitsera 17-go Sibirskogo strelkovogo polka Grigoriya Semenovicha Vylegzhanina].

72. Opis 9. Delo № 11/368. On issuing certificates of political reliability. [O vydache svidetel'stv o politicheskoy blagonadezhnosti].

Fond 19 — Olonets Provincial Gendarme Administration

73. Opis 3. Delo № 19/6. About incidents and monitoring of public life. [O proisshestviyakh, a takzhe po nablyudeniyu za obschestvennoy zhizn'yu].

74. Opis 3. Delo № 19/11. Minute-book of the additional staff non-commissioned officers of Vytegorsky department of Olonets railway administration. [Putevoy zhurnal unter-ofitserov dopolnitel'nogo shtata OGZhU Vytegorskogo punkta].

75. Opis 3. Delo № 20/2. About the people wanted by the Police Department and other government agencies. [O litsakh, razyskivaemykh Departamentom Politsii i drugimi Pravitel'stvennymi uchrezhdeniyami].

76. Opis 3. Delo № 20/5. About incidents and monitoring of public life. [O proisshestviyakh i nablyudenii za obschestvennoy zhizn'yu].

77. Opis 3. Delo № 20/6. About persons under open police surveillance. [O sostoyaschikh pod glasnym nadzorom politsii].

78. Opis 3. Delo № 20/8. Miscellaneous correspondence. [S raznorodnoy perepiskoy].

Fond 325 — Petrozavodsk Police Department

79. Opis 2. Delo № 11/166. On the expulsion into Olonets province of Austrian nationals Ivan Krakovskiy, Mihail Prishalyak, priest Kazimir Klyuz, Kipriyan Karttinskiy, Avan Slepets and Kopel Markus. Resolution of the town council establishing cab fees. [O vysylke v Olonetskuyu guberniyu avstriyskikh poddannykh Ivana Krakovskogo, Mihaila Prishalyak, ksenz Kazimir Klyuz, Kipriyan Karttinskiy, Avan Slepets i Kopel Markus. Postanovlenie Gorodskoy Dumy o ustanovlenii izvozchika taksy].

80. Opis 2. Delo № 11/167. Correspondence about first category militia conscripts, born in 1899. [Perepiska o ratnikakh opolcheniya 1 razryada prizyva 1899 g.].

81. Opis 2. Delo № 12/171. Protocol on the arrival home of army private Petr Vasilev (from Syamozero parish). [Protokol o pribytogo na rodinu nizhniy chin Syamozerskoy volosti Petr Vasilev].

82. Opis 2. Delo № 12/172. On the introduction of new staffs for strengthening the police from November 1916. On authorizing charity evenings and performances. About the Chinese merchants involved in peddling. [O vvedenii novykh shtatov po usileniyu politsii s noyabrya 1916 g. O razreshenii blagotvoritelnykh vecherov i spektakley. O kitaytsakh-torgovtsakh, zanimayuschikhsya raznosnoy torgovley].

83. Opis 2. Delo № 12/173. About deductions from salaries of police officials to the needs of the warю [Ob uderzhanii iz zhalovaniya chinov politsii na nuzhdy voyny].

84. Opis 2. Delo № 12/174. Correspondence for the issuance of passports and certificates of residence permits to persons residing in the town of Petrozavodsk, Volume 1. [Perepiska po vydache pasportov i

svidetel'stv vidov na zhitelstvo litsam, prozhivayuschim v g. Petrozavodske]. Vol. 1.

85. Opis 2. Delo № 12/175. Correspondence for the issuance of passports and certificates of residence permits to persons residing in the city of Petrozavodsk, Volume 2. [Perepiska po vydache pasportov i svidetel'stv vidov na zhitel'stvo litsam, prozhivayuschim v g. Petrozavodske]. Vol. 2.

86. Opis 2. Delo № 12/177. About the income and expenditure of money for financing the former Police Department and Militia in 1917. [O prikhode i raskhode summ po soderzhaniyu b. Politseyskogo Upravleniya i Militsii v 1917 godu].

Fond R-29 — Olonets provincial Soviet administrative department

87. Opis 1. Delo № 3/44. Correspondence about the number of prisoners within the Olonets province. The petitions of the prisoners for permissions to stay in Petrozavodsk before the conclusion of a peace treaty. [Perepiska o kolichestve voennoplennykh v predelakh OG. Prosheniya voennoplennykh o razreshenii ostatsya v Petrozavodske do zaklyucheniya mirnogo dogovora].

Internet sources:

88. Vadetsky Alexander K., Lieutenant-Colonel, an officer of the Life Guards Pavlovsky Regiment, was appointed (1914—1915 gg.?) the chief of Petrozavodsk branch of the Petrograd Gendarme police railway administration [Vadetskiy Aleksandr Konstantinovich, podpolkovnik, ofitser L-Gv. Pavlovskogo polka, naznachen (1914—1915 gg.?) nachal'nikom Petrozavodskogo otdeleniya Petrogradskogo zhandarmskogo politseyskogo upravleniya zheleznoy dorogi]. Available at: http://ria1914.info/index.php?title=Вадецкий_Александр_Константинович (accessed 28 October 2016). After the revolution, his son — Vadetsky Boris, became a waif in 1918, and then writer known in the USSR. [Posle revolyutsii u nego ostalsya syn — Vadetskiy Boris Aleksandrovich, stavshiy v 1918 g. besprizornikom, a zatem izvestnym v SSSR pisatelem]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Вадецкий,_Борис_Александрович (accessed 28 October 2016).

[1] Все даты приведены по старому исчислению, отличающемуся от современного на 13 дней (*Прим. автора*).

[2] В советские времена эти книги были последовательно уничтожены в республиканском архиве (*прим. Автора*).

[3] Во время первой мировой войны в русском плену оказались 2 104 146 солдат и офицеров Австро-Венгрии и 167 082 военнослужащих германской армии. URL: http://museum.omskelecom.ru/deutsche_in_sib/BOOK/plen.htm (Дата обращения 06.12.2016)

Olonets province police functions during the First World War

FEDOSOV Alexander

leading expert of the group of educational work, Ministry of Internal Affairs of the Republic of Karelia, Petrozavodsk, Russia, muzeymvdpork@mail.ru

Keywords:
Olonetsk police
Olonets province
World War I
policing
criminality
people's militia

Summary:
The article deals with the previously unexplored aspects of the police of Olonets province in 1914—1917 during the First World War and highlights additional functions of the police, determined by conditions of wartime under the legislation of the Russian Empire. The author focuses on the performance of specific tasks by the police on the territory of the province under state of emergency, as well as draws conclusions on the professionalism of police officers. The article stated a direct continuity between the former police and the new militia that on the background of the dramatic events of the February Revolution of 1917, continued to carry out police functions in the province of law enforcement and public safety in the framework of Russia’s final stage legislation.